чают в себя части агиографически стилизованного повествования летописи о мученической кончине братьев Бориса и Глеба:

Зрит он, как с слезами
Брат его в шатре своем,
Наклонясь главою
Нежно молится о нем
С песнею святою;
Зрит — в шатре мечи блестят,
Видит — как невинный
Под копьем хладеет брат.[65]

В лирическом монологе, приуроченном к агиографическому стилю, но в то же время продолжающем широкую линию традиции элегической поэзии начала XIX в., Святополк рассуждает о проигранной битве на Альте и о своем безвыходном положении. Метафора «ужасной дикой змей»[66] вызывает ассоциации с ветхозаветным мотивом змея, как олицетворения зла. Заключительное поучение, имеющееся в думе у Рылеева, у Шкляревского отсутствует.

В. К. Кюхельбекер в «саге» «Святополк» (1823), стихотворном произведении в трех частях, пытается дать широкую картину эпохи, подобно тому как Катенин делал это в своей поэме «Мстислав Мстиславович». Кюхельбекер охватывает все события, которые передаются летописью с 1015 по 1019 г. В то время как Катенин пытается изобразить местный и временной колорит посредством архаизмов, Кюхельбекер применяет агиографические элементы стиля для выражения своей художественной мысли. Образ Владимира в начале «саги» выдержан в светлых народно-эпических тонах:

Был славен на Руси Владимир старый,
Счастливый властелин...[67]

Как солнце, скрывающее свой облик за грозовыми облаками, так исчез на Руси после смерти Владимира сияющий образ князя. Надвигающееся несчастье рассматривается полностью в свете агиографической антитетики. Святополк творит злодеяние за злодеянием. Ярослав же, отказавшийся в свое время повиноваться отцу, уходит в себя, и, став смиренным, вершит суд и расправу. Его предприятия против Святополка начинаются двумя молитвами:

«Мы согрешили, мы виновны сами
О господи! Ты прав!..»

«Святой Борис! ты щит наш и хранитель,
Ты выкупил наш грех».[68]

В летописном повествовании содержатся две подобные молитвы Ярослава, одна обращена к богу, другая — к Борису и Глебу непосредственно перед битвой при Альте,[69] и Кюхельбекер перенял эту агиографическую деталь. В последних строфах первой части своей «саги» поэт вкладывает свой лирический пафос в молитву, обращенную к Владимиру:

«Сними, Владимир, родины святитель,
Проклятие с наших глав!..»[70]

---

[65] Там же.
[66] Там же, стр. 353.
[67] В. К. Кюхельбекер. Избранные произведения в двух томах, т. I. М.—Л., 1967, стр. 173. (Далее: В. К. Кюхельбекер).
[68] Там же, стр. 174, 175.
[69] Повесть временных лет, ч. 1, стр. 97.
[70] В. К. Кюхельбекер, стр. 176.